

Спор Пушкина с Вяземским об Озере

Н. Богословский

Первый биограф Пушкина Анненков говорит: «Надо заметить, что Пушкин читал почти всегда с пером в руках. Страницы русских альманахов и разных других сборников были покрыты его заметками, теперь, к сожалению, не существующими

До нас дошло очень мало книг и произведений с критическими заметками на них Пушкина. Сохранилось несколько таких документов: заметки на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» (1829), заметки на Вельтмановском переводе «Слова о полку Игореве», на книге «О жизни и службе А. И. Бибикова», которую Пушкин читал, занимаясь «Историей Пугачевского бунта», и, наконец, очень немногочисленные пометки на рукописи стихотворения Вяземского «К ним»¹. Вот почти все, что уцелело из подобного рода автографов. Кроме того, в неточной² передаче академика Л. М. Майкова, до нас дошли заметки Пушкина на «Опытах в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова и на статье Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова». Пометки эти Майков использовал в двух своих статьях, вошедших в книгу «Пушкин» (1899).

После работы Майкова над этими документами местопребывание их оставалось неизвестным.

«Опыты» Батюшкова с подлинными заметками Пушкина не найдены и до сих пор³.

Недавно обнаруженный мною и публикуемый выше оттиск статьи Вяземского с за-

метками Пушкина представляет большой интерес как почти единственный документ чисто литературного характера, являющийся результатом внимательного чтения Пушкина с карандашом в руках.

Скажем несколько слов о самой статье Вяземского, послужившей объектом критических высказываний и редакционных исправлений Пушкина.

Это одна из ранних статей Вяземского, который был наиболее деятельным и плодовитым критиком среди арзамасцев. Сам Вяземский, вспоминая о ней в 1876 году, отмечал, что, работая над статьей, он даже не имел перед собой образца в тогдашней критике, которому он мог бы следовать.

Статья Вяземского, написанная в 1816—1817 гг., входила в собрание сочинений Озерова в качестве критико-биографического вступления.

Сочинения весьма популярного тогда Озерова неоднократно переиздавались; вместе с ними перепечатывалось без изменений в 1817, 1824 и 1827 гг. и вступление Вяземского. В 20-х годах произведения Озерова стали предметом горячих и постоянных споров Пушкина с Вяземским. О них мы более подробно расскажем ниже.

Задолго до этих споров Озеров был также объектом полемики между арзамасцами и членами «Беседы». По твердому убеждению всех арзамасцев, «несчастный» Озеров, после кратковременного, но шумного успеха своих трагедий, стал жертвой козней и интриг «Беседы» и главным образом драматурга А. Шаховского. Батюшков в басне «Пастух и соловей», Жуковский в «Послании к Вяземскому и В. Л. Пушкину», Дашков в «Письме к новейшему Аристофану» (то есть Шаховскому), Вигель в своих записках и другие арзамасцы так или иначе

¹ См «Рукою Пушкина», «Academia», 1935, стр. 113.

² Как это установлено теперь.

³ Майковский экземпляр, на который он скопировал пометки Пушкина, был не так давно обнаружен в библиотеке Академии наук СССР. Даже эта находка копии дала возможность уточнить и расширить состав пушкинских критических заметок.

клеймили завистников и выступали на защиту «убитого халдеями»¹ Озерова.

В центре внимания стояла личная судьба Озерова, потерявшего рассудок в результате обид и неприятностей, которые он перенес в 1809 г. после постановки «Поликсены».

Озеров рано привлек к себе внимание юного Пушкина. На «простой» книжной полке лицеиста Пушкина, описанной им в стихотворении «Городок» (1814 г.), трагедии Озерова стояли рядом с произведениями Расина, Руссо и Карамзина.

«Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером исполином,
Фонвизин и Княжнин...»

Под явным влиянием арзамасцев, Пушкин в 1816 г. в послании к Жуковскому призывал своих литературных друзей отомстить за тень Озерова и поразить «Беседу» — «спесивых риторов безграмотный собор».

Смотрите: поражен враждебными стрелами,
С потухшим факелом, с недвижными крылами
К вам Озерова дух взывает: други! Месты!

Но уже 1819 г. Пушкин пересмотрел свой взгляд на автора «Фингала» и «Дмитрия Донского». В своей первой, предназначавшейся к печати² критической статье «Мои замечания об русском театре» Пушкин проявляет полную самостоятельность в оценке Озерова. В этой статье мы находим и первый, еще скрытый, полемический отклик на статью Вяземского об Озерове.

В «Моих замечаниях» есть место, перекликающееся с заключительными строками рассматриваемой здесь статьи Вяземского. Вяземский, исчисляя заслуги Озерова, принесенные русскому театру, заявляет, что последний своими произведениями «создал», «образовал» трагическую актрису Семенову. «Великий трагик,— говорит Вяземский,— творит великих актеров».

Пушкин в «Моих замечаниях» ставит этот же вопрос совсем иначе. Для него Озеров вовсе не «великий трагик». Он двигает на первый план Семенову, которая «образовалась сама собою» и «украсила несовершенные творения Озерова и сотворила роль Антигоны и Мойны». Эта «поправ-

ка» Пушкина ясно свидетельствует, что уже тогда он был хорошо знаком со статьей Вяземского¹ и не соглашался с его положениями. Расхождение свои с Вяземским в вопросе об Озерове Пушкин отметил также в письме к нему от 6 февраля 1823 г. Говоря в письме о статье Вяземского «Кавказский пленник», он выражает несогласие с мнением Вяземского об «отличном даровании» Озерова. «У нас нет театра, — пишет Пушкин, — опыты Озерова озаменованы поэтическим слогом и то неточным и заржавым; впрочем, где он не следовал жеманным правилам французского театра? Знаю, за что полагаешь его поэтом романтическим: за мечтательный монолог Фингала, — нет песням никогда надгробным я не внемлю, но вся трагедия написана по всем правилам парнасского православия, а романтический трагик принимает за правило одно вдохновение».

В этом письме Пушкин впервые бросает термин «французская болезнь», которая, по его словам, грозила умертвить «нашу отроческую словесность». Уже в эти годы основоположник русской литературы ставил вопрос о путях ее самостоятельного развития и об освобождении ее от всеподавляющего влияния эпигонской французской литературы.

Если Вяземскому казалось тогда, что Озеров только формально зависит от французских образцов, а духом своей поэзии совершенно «отчуждается» от французской школы, то Пушкин твердо и ясно заявлял уже в 1823 г., что «у нас нет подлинно русского театра», что трагедии Озерова написаны по всем правилам парнасского православия (то есть созданы на основе французского псевдоклассического театра).

Письмо это писалось еще до работы Пушкина над «Борисом Годуновым», то есть до кристаллизации взглядов Пушкина на драму, окончательно сложившихся в процессе систематического изучения творче-

¹ Кстати сказать, о близком знакомстве со статьей Вяземского говорит и XVIII строфа I главы «Евгения Онегина». «Там Озеров невольны дани народных слез рукоплексанный с младой Семеновой делил... Строфа эта явно перекликается со следующими словами статьи Вяземского: «[я] не видал сих слез невольной и лучшей дани, приносимой дарованию»... и т. д.

² Арзамасское прозвище членов «Беседы».

² Но в печати тогда не появившейся.

ства Шекспира и трудов западно-европейских теоретиков драматургии.

В чем сущность споров Пушкина с Вяземским об Озерове? Спор велся по двум основным линиям. Во-первых, Вяземский провозглашал Озерова создателем романтической трагедии, противником классических канонов.

Вся система взглядов Пушкина на «истинно романтическую» драму показывает, что он прежде всего разумел под нею «верное изображение лиц, исторических характеров и событий». Термин «реализм», не употреблявшийся тогда, отсутствует в определениях Пушкина, но смысл этих определений позволяет нам с полным правом сказать, что пушкинское понимание «истинного романтизма» характеризует и по внешним признакам и по творческой сущности то, что позднее было названо реализмом. В своем наброске предисловия к «Борису Годунову» (1827) Пушкин, не называя Вяземского по имени, укоряет его за то, что он решился зачислить Озерова в романтики. «Один из самых оригинальных писателей нашего времени, не всегда правый, но всегда оправданный удовольствием очарованных читателей, не усомнился включить Озерова в число поэтов романтических». Само собой разумеется, что Озерова, воспитанного на ненавистных Пушкину французских образцах, от которых сам Пушкин в это время решительно отходил, Озерова — творца чувствительной, слезливой драмы, уснащавшего свои трагедии риторикой и пышнословием, Пушкин не мог признать представителем романтической поэзии в истинном ее смысле.

Второе серьезное разногласие Пушкина с Вяземским во взгляде их на трагедии Озерова обнаруживается в различном понимании ими народности драмы и национального характера ее. Вяземский, находившийся, по собственному его позднему определению, «под прелестью¹ Озерова», провозглашал его единственным трагиком, сумевшим внутренне преодолеть господствующие французские влияния и заложить основы национальной трагедии. Он называл Озерова преобразователем русской трагедии. «Как трагик, Озеров неоспоримо

стоит в летописи отечественной словесности победителем своих предшественников и опасным соперником для последователей». Вяземский ставил его в «образец нашему театру». Но Пушкин, которому действительно предстояло создать эпоху в истории русской национальной драмы, совсем иначе подходил к вопросу о народности в литературе.

Вяземский считал, что, беря сюжеты из русской истории, Озеров в «Димитрии Донском» выступает как представитель национальной драмы. Но Пушкин в своей заметке (1826), посвященной проблеме народности в литературе, как раз на примере Озерова ясно показывает ошибочность точки зрения Вяземского: «...что есть народного в русской трагедии и в Ксении [Озерова], рассуждающей шестистопными ямбическими стихами о власти родительской с наперсницей среди стана Димитрия?..»

Надо сказать, что именно искание истинного романтизма поставило перед Пушкиным проблему «народности в литературе». И решение им этой проблемы существенно отличалось от решений, даваемых его современниками. Он отвергал примитивные определения народности, понимаемой как выбор художником предметов из отечественной истории или употребление «народных» слов. («Радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения»).

Пушкин отмечал, что в результате такого наивного подхода пришлось бы «отнять» достоинства «народности» у Шекспира, Лопе де Вега, Кальдерона, ибо «самые народные трагедии Шекспира заимствованы им из итальянских новелл», а Кальдерон и Лопе де Вега поминутно переносят действие своих трагедий во все части света.

«Есть образ мыслей и чувствований, тьма обычаев и поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». Отражение в зеркале поэзии тех особенных черт духовного облика народа, которые складываются у него под влиянием «климата, образа правления, веры», и есть, по мнению Пушкина, основное условие народности.

С этой-то точки зрения Пушкин считал Расина, бравшего «все предметы для своих трагедий из римской, греческой и европейской истории», глубоко народным, то есть истинно французским писателем, а Озеро-

¹ «Как говорят французы» (Вяземский. Собр. соч., т. I, стр. 54)

ва, «вообразившего», что для создания национальной трагедии достаточно выбрать предмет из отечественной истории, Пушкин отказывался признать представителем русской национальной драмы. Заметим здесь кстати, что и в трагедии «Ермак» славянофила Хомякова Пушкину все представлялось «чуждо нашим нравам и духу» (см. статью Пушкина «О драме», 1830).

Следовательно, Озеров в глазах Пушкина не был создателем национальной трагедии не потому, что он заимствовал мотивы бóльшинства своих произведений из иноязычных источников (Софокл, Макферсонов Оссиан, Дюси и др.), а потому, что в поэзии его все было чуждо духу русского народа.

В 1827—1828 годах готовилось новое (5-е по счету) переиздание сочинений Озерова со статьей Вяземского. Повидимому, Вяземский, прежде чем напечатать снова свою статью, пожелал представить ее на суд Пушкина. Несомненно, что именно в этот период, т. е. в промежуток времени между четвертым и пятым изданием сочинений Озерова, Пушкин получил от Вяземского оттиск статьи «О жизни и сочинениях В. А. Озерова».

Документ этот интересен даже по внешнему своему виду. Оттиск статьи Вяземского наполнен аккуратно вложенными и подшитыми между страниц листами бумаги, на которых Пушкин должен был набросать свои замечания. Количество вложенных листов (64) показывает, что Вяземский, видимо, хотел получить от Пушкина развернутую и подробную оценку своей статьи. Некоторые листы остались совершенно чистыми. Замечания свои Пушкин набрасывал как на полях статьи, так и на вложенных листах бумаги¹. Что заметки Пушкина набросаны им перед изданием 1828 г., видно хотя бы по двум его высказываниям. На VI стр. статьи Вяземского отмечено: «Эти 6 страниц нынче, кажется, лишние» и т. д., (см. стр. 81). В общем своем заключении он также предлагает Вяземскому заменить устаревшую статью новым предисловием.

Статья все же появилась без значительных изменений (правда, уже в виде после-

ствия) в 5-м издании сочинений Озерова в 1828 г. Она сопровождалась здесь издательским примечанием, помещенным несомненно с ведома и согласия Вяземского, а, может быть, даже и по его настоянию. Примечание это чрезвычайно характерно. Оно как бы разъясняет причины, заставившие автора напечатать в 1828 г. свою давнюю статью без коренных изменений. В примечании отмечалось, что статья эта принадлежала перу 24-летнего Вяземского, что «каковы бы ни были теперь мнения автора о драматической поэзии, его замечания драгоценны, как первые движения чувствительности, свежие цветы принесенные им на гробницу поэта». Надо отметить, что начало статьи было видоизменено и несколько сокращено здесь Вяземским явно по совету Пушкина. Редакционные исправления и указания Пушкина Вяземский не принял, вероятно, потому, что не решался прикасаться к «свежим цветам, принесенным на гробницу поэта».

Из заметок Пушкина видно, что он подвел в них итоги своим суждениям об Озерове. С полной откровенностью заявил он своему другу, что апологетическая статья его «слишком слаба» и что это «сбивчивое и неверное обозрение» не заслуживает переиздания.

Пушкин прозорливо отметил, что «слава Озерова уже вянет, а лет через 10 — при появлении истинной критики совсем исчезнет».

Прежде чем напомнить о том, что сказала об Озерове «истинная критика» в лице Белинского, я хочу указать на одну характерную для Пушкина-критика черту: его суждения о литературе всегда были предельно сжаты. Бросая ту или иную мысль, он иногда даже не приводил доказательств. Она звучала у него афористически. С особенной яркостью проявилась эта черта в его заметках на статье Вяземского. Пушкин сразу очень тонко подметил самую слабую сторону прославленного тогда трагика: незнание им человеческого характера и неумение изобразить его со всеми противоречиями. Прimitивная манера Озерова строить драму на резком противопоставлении характеров (мрачный Старн и нежная Моина в «Фингал») вызывает у Пушкина отрицательное отношение, которое он мотивирует следующим образом: «Противоположности характе-

¹ В публикации мы оговариваем это в каждом отдельном случае.

ров — вовсе не искусство, но пошлая пружина французских трагедий».

И когда Пушкин натолкнулся в статье Вяземского на замечание о том, что Озеров писал «решительно трагической кистью», Пушкин внес лаконическую, как всегда, и острую поправку: «кистью решительно не трагической».

Краткие, но выразительные заметки Пушкина удивительно совпадают по мыслям, заключенным в них, с общей расширенной оценкой Озерова, которую дал в 1835 г. Белинский. Он писал, что Озеров «не создал театра, а ввел к нам французский театр, то есть первый заговорил языком французской Мельпомены».

«Впрочем, он не был драматиком в полном смысле сего слова: он не знал человека. Приведите на представление Шекспировой или Шиллеровой драмы зрителя без всяких познаний, без всякого образования, но с природным умом и способностью принимать впечатления изящного: он, не зная истории, хорошо поймет в чем дело; не понявши исторических лиц, прекрасно поймет человеческие лица; но когда он будет смотреть на трагедию Озерова, то решительно ничего не уразумевает. Может быть, это общий недостаток так называемой классической трагедии... Одаренный душой нежной, но неглубокой, раздражительной, но не энергической, он был не способен к живописи сильных страстей. Вот отчего его женщины интереснее мужчин; вот отчего его злодеи ни больше ни меньше, как олицетворения общих родовых пороков, вот отчего он из Фингала сделал аркадского пастушка и заставил его объясняться с Моинюю мадригалами, скорее приличными какому-нибудь Эрасту Чертополохову, чем грозному поклоннику Одина.

Лучшая его пьеса, без сомнения, есть «Эдип», а худшая — «Димитрий Донской». Это надутая, ораторская речь, переложенная в разговоры. Теперь никто не станет отрицать поэтического таланта, но вместе с тем и едва ли кто станет читать его, а тем более восхищаться им» («О русской повести и повестях Гоголя»). В статье Белинского «Русская литература в 1841 г.» мы встретим положения, прямо предвосхищенные Пушкиным. Белинский подобно Пушкину считает, что Озеров шагнул вперед в языке, но это было только успехом

«вкуса и языка, а не поэзии, не искусства». Это место статьи Белинского прямо напрашивается на сравнение с пушкинской заметкой, в которой говорится, что «Озеров сделал шаг вперед в слоге, но Искусство чуть-ли не отступило». Наконец, и в 1847 г. Белинский опять-таки высказывает мысль, аналогичную мыслям Пушкина о псевдонародности драм Озерова. Он говорит: «Озеров написал русскую трагедию, даже историческую: «Димитрия Донского», но в ней русского и исторического — одни имена: все остальное столь же русское и историческое, сколько французское или татарское».

Мы говорили выше, что статья об Озерове была одним из первых критических опытов Вяземского. Через два года после появления ее в печати Вяземский и сам намеревался внести в нее некоторые изменения или написать новую статью. Знакомство с тогдашней английской и немецкой литературой привело его к заключению, что он недостаточно отчетливо определил в статье вредность влияния французского ложноклассического театра на русскую литературу. «Теперь хочу разорвать в клочки французские фиксмы нашей Мельпомены», — писал он в августе 1819 г. А. И. Тургеневу. Но намерение свое Вяземский так и не осуществил. Изменилась его точка зрения на французскую литературу XVIII века, но взгляд на самого Озерова еще не подвергся серьезному пересмотру.

Прошло 50 лет. Прежде чем проститься «с авторской жизнью и со всякой другою», Вяземский занялся подготовкой к печати полного собрания своих сочинений. «Это, — писал он, — не в чужом, а в собственном пиру похмелье».

Он был совершенно одинок в литературе. Не осталось ни прежних «спутников», ни «ровесников», ни «единоверцев» его.

Подготавливая к печати первый том своих сочинений, Вяземский натолкнулся на статью «О жизни и сочинениях Озерова». Он испытал, по его признанию, «странное чувство, какое пробуждается в нас при встрече с когда-то близким человеком после долгой разлуки». Он снова «ознакомился со статьей своей рассудительно и беспристрастно». Включив ее в первый том

сочинений, Вяземский снабдил ее обширной припиской, в которой припомнил и рассказал о давних спорах с Пушкиным, насчет Озерова. Когда читаешь эту приписку, написанную 84-летним стариком, то невольно представляешь себе, как он, прежде чем приняться за приписку, извлек из архива и перечитал пушкинские заметки на полях пожелтевшего оттиска своей ранней статьи.

К этому времени сочувствия Вяземского Озерову «отрезвились и образумились». Он счел «нужным сделать некоторые оговорки». Первая же оговорка Вяземского коснулась того самого места в статье, где проводится параллель между «преобразователем русской трагедии» Озеровым и «преобразователем русской прозы» Карамзиным. Это место статьи как раз было отмечено Пушкиным следующей заметкой: «Большая разница. Карамзин великий писатель во всем смысле этого слова, а Озеров — очень посредственный».

Вяземский в 1876 г., не упоминая о заметках Пушкина, пишет:

«Заслуги их (Карамзина и Озерова) сравнивать нельзя. Ум и перо мое обмолвились».

«Другая оговорка. У меня сказано: «Озеров трагик может и должен служить образцом на театре нашем». И тут шагнул я через край. Ныне отрекаюсь от этих слов...». Третья оговорка. Пушкин никак не хотел признать его романтиком. В некотором отношении был он прав...». Вспоминая далее о романтическом движении 20-х годов в России, о чернильных драках классического и романтического станов, Вяземский замечает: «Всего забавнее было то, что налицо не было ни настоящих классиков, ни настоящих романтиков: были одни подставные и самозванцы. Грешный человек, увлекся и я, разлившимся тогда, мутным потоком. Пушкин остался тем, что был: ни исключительно классиком, ни исключительно романтиком, а просто поэтом и творцом, возвышавшимся над литературной междуусобицей, которая в стороне от него суетилась и почти бесновалась».

Не мог не вспомнить Вяземский в своей приписке и об «истинно романтической» трагедии самого Пушкина, которую сопоставил с «Димитрием Донским» Озерова. Вот что писал Вяземский:

«Пушкин Озерова не любил и он часто бывал источником наших живых и горячих споров. Оба мы были неуступчивы и несколько заносчивы. Я еще более, нежели Пушкин. Он не признавал в Озерове никакого дарования. Я, может быть, дарования его преувеличивал. Со временем, вероятно, мы сошлись бы на полудороге. Пушкин критиковал в Озерове и трагика и стихотворца. Может быть, уже и тогда таились в душе его замысел и зародыш творения, в котором обозначилось и сосредоточилось могущество дарования его. Изображение Димитрия Донского не могло удовлетворить понятиям живописца, который начертал образ Бриса Годунова и образ Дмитрия Самозванца. Сочетание верности историка с вымыслом поэта, может быть, уже и тогда теплилось и молча созревало в нем. Пушкин стихотворец также не мог быть доволен стихом Озерова. Уже и в то молодое время стих Пушкина выражал мысль и чувство его не только изящно и поэтически благозвучно, но можно сказать и грамматически и педантически точно и верно. В стихе Озерова нет той легкости и правильности: стих его иногда неповоротлив, он непрозрачен, нет в нем плавного течения: встречается шероховатость; замечается нередко отсутствие точности или одна приблизительная точность, чего Пушкин терпеть не мог. Он имел полное право быть строго взыскательным к другим; я такого права не имел. Недостатки и погрешности Озерова были, может быть, не в дальнем родстве и с моими. Это могло быть бессознательным побуждением и корнем снисхождения моего к Озерову».

В свете этих воспоминаний пометки Пушкина на статье Вяземского становятся еще более понятными. Мы не будем подробно останавливаться на чисто критических замечаниях Пушкина, поскольку они приведены выше с полным текстом разбираемой им статьи. Но нам хотелось бы сказать несколько слов о многочисленных редакционных исправлениях и пометках Пушкина. Они еще раз показывают, насколько внимательным и требовательным читателем был Пушкин. Читая, он намечает в статье композиционные изменения, предлагая автору перенести некоторые мысли, изложенные в начале статьи, в другое место и указывает точно, куда именно

(см. стр. 81 и 90). Пушкин зачеркивает, заключает в скобки, отмечает на полях изысканные, напряженные, искусственные выражения Вяземского («волшебные прелести любви», «с нею питался восторгами платонической страсти», «Мельпомена приняла владычество свое над душами» и т. п.). Зачастую он показывает Вяземскому, как следовало бы выразиться в том или ином случае (так, например, вместо фразы: «поглотила бы его бездна забвения», Пушкин предлагает скромную редакцию: «и совсем его забыли» — и добавляет: «проще и лучше»). Перифразы и риторические обороты вроде: «печать отвержения, наложенная на наш театр рукою Талии и Мельпомены», вызывают у него восклицание: «Да говори просто, ты довольно умен для этого». Вспоминается заметка Пушкина (1822), где он писал: «Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном». Боже мой! Да поставь: «Это молодая, хорошая актриса» и продолжай — а будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет».

Пушкин отмечает неудачные переходы в статье, стилистические неточности, грамматические ошибки, длинноты, неясности и повторения.

Например: Вяземский пишет: «пускай доканчивают они («литературные староверы». — Н. Б.) тяжелый сон жизни своей на вековом камне под усыпительным надзором невежества и предрассудков»... Пушкин не может пройти мимо такого надуманного и неудачного образа. «Переход несчастливый да и не нужный» замечает он. Быть может, пересматривая эти поправки и отметки Пушкина, Вяземский в 1876 году счел необходимым сделать оговорку и о слоге своей статьи. «Мои недостатки мне самому бросаются в глаза. Есть кое-где неправильность в языке: какая-то напряженность, излишняя искусственность в выражении, следствие короткого знакомства моего с французскими образцами старого времени; длина, растянутость некоторых периодов: погрешность, от которой, кажется, и ныне я еще не совершенно избавился...».

Заметки Пушкина на статью Вяземского являются ценнейшим добавлением к его уже собранной критической прозе. Мы видим, как отразилась в них система взглядов Пушкина на драму. Вместе с тем они дают богатый материал для анализа его редакторских приемов, показывающих лишний раз изумительную остроту его внимания, стремление к простоте, точности и сжатости.

КРАСНАЯ НОВЬ

ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ

О Р Г А Н
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЯНВАРЬ

№ 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1 9 3 7